
Глава первая

Диктатор совершал утреннюю прогулку.

Небо с утра было ослепительно синим, и казалось невероятным, что двое суток бушевал ураган. Только выброшенные на берег причудливые коряги, бурые водоросли да мертвые рыбешки напоминали о недавнем буйстве стихии.

Диктатор шел медленно и испытывал чисто детское удовольствие, печатая на мокром песке следы босых ног. В голубых шортах и белоснежной рубашке он шел вдоль берега, наслаждаясь свежестью сентябрьского утра. Диктатор вставал рано, и прогулка по пустынному пляжу была для него началом нового дня, наполненного государственными заботами. Сорок минут он оставался наедине с самим собой. Даже Парваз, его личный телохранитель, не должен был попадаться ему на глаза в течение твердо установленных сорока минут.

Парваз мог не беспокоиться за безопасность Главы Государства: отрезок берега длиной в три километра, примыкающий к резиденции Диктатора, был огорожен с обеих сторон высокой каменной стеной, уходящей далеко в море.

Вилла Диктатора, скромный двухэтажный дом из розового камня с плоской односкатной крышей, построенный по образцу местных крестьянских до-

мов, стоял недалеко от берега, среди масличных деревьев, за которыми ухаживал сам Диктатор. Диктатор не признавал роскоши.

Единственная прихоть, которую он себе позволял, состояла в тщательном уходе за пляжем. Берег здесь был усыпан крупной галькой, а Диктатор любил мягкий золотистый песок. Песок доставляли из Шедарских карьеров, шелковистый мельчайший песок, из которого изготовляли знаменитое шедарское стекло, прославленное во всем мире.

Лею Кандару несколько дней назад исполнилось пятьдесят семь лет, но выглядел он самое большее на сорок. Высокая, чуть суховатая фигура, хорошо развитая мускулатура, твердая посадка благородно сидящей головы — всеми этими качествами Лей Кандар был обязан исключительно строгому режиму, разработанному им еще до того, как он сделался Диктатором, режиму, ставшему законом для всех его подданных.

Итак, Диктатор совершал утреннюю прогулку. Считалось, что в течение отведенных для прогулки сорока минут Диктатор предается размышлению о государственных делах. Но Кандар не размышлял о государственных делах. Он вообще ни о чем серьезном не думал. Этого требовала гигиена умственного труда.

Внезапно Кандар остановился. У самого уреза воды песок был слегка примят. Угадывались очертания человеческого тела. С противоположной стороны, от туда, где стоял дом его дочери Марии, шли следы ее крохотных ножек, а от вмятины полоса взрыхленного песка тянулась к полукруглому зданию купальни.

Кандар поглядел в сторону моря. Но громоздив-

шиеся у берега причудливые скалы, безмятежно отражавшиеся в зеркальной глади, мало что могли объяснить. Кандар постоял в задумчивости и направился к купальне.

Он распахнул дверь и увидел то, что предполагал увидеть. На мраморном полу купальни лежал человек. Судя по мокрой разодранной одежде — иностранец: на нем были джинсы и бежевый синтетический анорак. В Лакуне джинсов никто не носил, а синтетическая одежда запрещалась законом.

Чужестранец выглядел молодо, лет двадцать семь — двадцать восемь, не больше. Длинные светлые волосы свисали слипшимися космами на загорелое лицо, показавшееся Кандару приятным и мужественным.

Рядом с иностранцем на корточках сидела Мария. Увидев отца, она вскочила и испуганно взглянула на него.

Удивительно похожа на мать, подумал Диктатор, такой же была Лиллиана тогда, в Вене, когда он впервые встретился с ней и ему еще не исполнилось двадцати...

Диктатор не знал никаких слабостей, кроме одной — любви к дочери, любви, ставшей его ахиллесовой пятой.

— Кто он? — спросил Диктатор.

— Не знаю, — ответила Мария.

— Он чужестранец. Как он сюда попал?

— Я нашла его на берегу. Он без сознания.

— Сегодня ночью контрабандистская шхуна пыталась подойти к берегу и разбилась о скалы, — сказал Кандар.

— Он не похож на контрабандиста, — возразила Мария.

Диктатор улыбнулся ее наивности.

— Что с ним будет? — спросила Мария с чуть заметным беспокойством.

Кандар пожал плечами — Мария знала: две недели проверки в санитарно-исправительном лагере, затем выдворение за пределы Лакуны. Однако от Кандара не ускользнуло ее беспокойство.

— Ты знаешь, — сухо ответил Диктатор и вышел из купальни.

Как только он ушел, молодой человек открыл глаза. Мария снова присела возле него.

— Ты — Мария? Дочь Диктатора? — спросил он негромко.

— Да, я Мария, — ответила девушка. — А кто ты?

— Меня зовут Ален.

— Ты контрабандист?

— Нет, — улыбнулся Ален. — Я не контрабандист.

Он смотрел на нее не отрываясь.

— Ты очень красива, дочь Диктатора, — сказал он наконец.

Мария, смутившись, быстро встала.

Она действительно была хороша, хотя и не так красива, как показалось Алену. Обыкновенная лакунская девушка, разве что волосы не черные, а светлые, чуть рыжеватые, да и фигура тоньше, изящней, чем у ее соотечественниц, по-крестьянски крепко скроенных. Но было в ней некое очарование, быть может исчезающее очарование возраста, когда девушка незаметно для себя становится женщиной.

— Сейчас за тобой придут, — сказала она, стараясь скрыть непонятное ей самой волнение.

— Знаю, — ответил Ален спокойно. — Я хорошо знаю ваши порядки.

Он привстал и поморщился от боли.

— Тебе больно? — спросила Мария.

— Похоже, что изрядно побило о камни, — он пощупал колени, — нет, ничего, ноги в порядке.

— Беги! — шепнула Мария.

Ален усмехнулся и поднялся на ноги.

— Не бойся, девочка. Со мной ничего плохого не случится. Мы еще увидимся, — сказал он уверенно и шагнул к выходу.

Но в дверях купальни уже стояли двое плечистых парней в форме сакваларов: белые полотняные рубашки, заправленные в такие же белые бриджи, на шее — автоматы, на левом плече — голубой погон. Ален усмехнулся и поднял руки.

Справка

ЛАКУНА — государство на юге Европы, на берегу Шедарского залива.

Территория 27,6 тыс. кв. км. **Население** 19,8 млн чел. (1959).

Столица — Лакунара (186 тыс. жителей).

Центральная часть побережья — равнина. Остальная территория занята горами (Гонш — 4129 м, Лога — 3476 м, Сурга — 3167 м).

Климат субтропический, средиземноморский. Ср. температура: январь 8–9 °С, июль 27–29 °С. Осадки: 1000–2000 мм в год.

Население занято преимущественно в сельском хозяйстве, во многом примитивном. Возделывается главным образом кукуруза, пшеница, рис, хлопчатник, сахарная свекла, оливки.

Горнопасбищное животноводство: овцы — 1,4 млн голов, козы — 0,8 млн. Крупный рогатый скот — 0,4 млн голов.

Промышленность развита слабо: деревообделочная, мыловаренная, керамическая, мелкая металлообрабатывающая. Производство энергии — 0,7 млн квт.

Вся продукция, как сельскохозяйственная, так и промышленная, целиком поступает на внутренний рынок. Исключение — знаменитое шедарское стекло, которое вывозится в Грецию.

Денежная единица — кандар.

Происхождение лакунской народности мало изучено. Есть предположение, что автохтонное население (по некоторым предположениям, этрусского корня) впоследствии смешалось с завоевателями, проникшими через горы двумя последовательными потоками в начале VI и конце IV вв. до Р. Х.

Язык индоевропейский с примесью тюркского и арабского. Отдельные слова, не имеющие аналогов в известных языковых системах, предположительно этрусского происхождения.

В 148 г. до Р. Х. завоевана Римом. До IV в. входит в состав Римской империи, впоследствии — Византии. Во II в. захвачена арабами (Лакунский халифат). С 1794 г. — самостоятельное государство. До 1935 г. — Лакунская империя, с 1935 г. — Лакунская Имперская Республика. В 1949 г. в стране произошел переворот, осуществленный нынешним Диктатором Лакуны Леем Кандаром.

Л. Кандар — ученый-гигиенист с мировым именем, автор известной книги “Через гигиену — к свободе!”. После почти бескровного переворота 19 января 1949 г. оставил науку и целиком посвятил себя делу преобразования страны.

Власть Л. Кандара — ничем не ограниченная диктатура. Совет при Диктаторе в составе 10 человек пользуется правами совещательного органа. Вооруженные силы — полурегулярная Армия сакваларов под командованием генерала Ф. Гельбиша. Границы Лакуны закрыты. Страна не имеет посольств ни в одной стране, кроме Греции, не имеет представителей ни в Организации Объединенных Наций, ни в ЮНЕСКО, ни в других международных организациях. Она как бы исчезла с политической карты мира.

Глава вторая

Кандар в голубом спортивном костюме гимнаста принимал у себя в кабинете Фана Гельбиша, которого шуточно называл своим Третьим Плечом — прозвищем, укоренившимся за ним и в народе.

Фан Гельбиш, в прошлом боксер и культурист, был невысок, приземист и обладал столь внушительным торсом, что казался почти квадратным. Небольшая круглая головка росла прямо из массивного туловища без каких бы то ни было признаков шеи. Фан Гельбиш плохо переносил яркий свет и ходил в самозатемняющихся очках.

Когда-то, в дни ранней молодости, Гельбиш, попав на одну из лекций именитого гигиениста, настолько был покорен его идеями, что по-юношески влюбился в этого человека, которого с тех пор называл не иначе как Учителем. С того дня прошло более тридцати лет, но Гельбиш по-прежнему смотрел на Кандара как на личность высшего порядка и, если бы понадобилось, отдал за него жизнь.

Однако, отдавая дань авторитету Учителя в области интеллектуальной, Гельбиш хорошо сознавал свою особую роль в государстве. Второй человек после Диктатора, Министр Порядка и главнокомандующий Армией сакваларов, он почитал своей главной обязанностью и долгом сделать все, чтобы

идеи великого Кандара были претворены в жизнь. Ни для кого не было секретом, что переворот, приведший Кандара к власти, был организован и совершен именно Гельбишем с помощью созданных им отрядов сакваларов.

Помнил об этом и сам Диктатор. Помнил и ценил преданность своего самоотверженного друга.

Сейчас Гельбиш стоял перед Кандаром в белом мундире с голубым погоном на левом плече и докладывал о положении в стране.

Положение в стране было прекрасным. В том смысле, что ничего существенного за истекшие сутки не произошло, за исключением крушения шхуны контрабандистов, разбившейся во время шторма, да задержания чужеземца в купальне Диктатора.

По заведенному обычаю Гельбиш сообщил точную сводку заболеваний. Из сводки следовало, что количество простудных заболеваний в стране за последний год снизилось настолько, что практически можно считать их ликвидированными. За последние два дня дали скачок заболевания сердечно-сосудистые, но, как известно, этими заболеваниями страдают главным образом старики — следствие нездорового образа жизни при прежнем режиме, тяжелое наследие прошлого. Скачок, конечно, связан со штормом, но благодаря своевременно принятым мерам — ни одного летального исхода. Фан Гельбиш отметил четкую работу Центральной службы профилактики.

С видимым удовольствием, даже с некоторой торжественностью Гельбиш положил перед Кандаром голубой листок с грифом “Особо секретно” — анализ

морской воды в прибрежной зоне Лакуны. Кандар одобрительно кивнул. По данным анализа, морская вода у берегов Лакуны была едва ли не самой чистой на нашей планете.

Это достижение было особой гордостью Фана Гельбиша. Над этой проблемой в обстановке строжайшей секретности работали “его химики”. Его — потому, что работа велась в одном из санитарно-исправительных лагерей, причем людьми, неоднократно преступавшими законы Лакуны, главным образом в том пункте, который категорически запрещал употребление алкогольных напитков, в частности ракуты — кукурузного самогона.

Секретность в данном случае была бы, конечно, не так уж обязательна, если бы не тот прискорбный факт, что открытие радикального способа очищения морской воды было сделано людьми неблагонадежными, а попросту говоря алкоголиками, что вступало в прямое противоречие с идеями Кандара, и особенно с его основополагающей мыслью, что в здоровом теле — здоровый дух.

Сам Кандар не исключал духовной одаренности у больного человека. Но был убежден, что алкоголики, не страдая они этой отвратительной болезнью, были бы значительно трудоспособнее, а их творческая деятельность интенсивнее.

Но он понимал, что искоренить это наследие прошлого можно только со временем, как, впрочем, и некоторые другие особо стойкие заболевания.

Хуже обстояло дело с Законом о Питании. Сводка за десять дней сообщала об увеличении в последнее время случаев нарушения этого важнейшего за-

кона. Строго установленное меню (в каждом районе особое, с отклонениями для отдельных специальностей) продолжает нарушаться, о чем свидетельствуют до пятисот сигналов, поступивших от населения. Если даже отбросить часть из них, заведомо ложных, то и тогда их количество намного превышает установленную норму (норма — 150). Тем более что, несомненно, есть случаи невыявленные, и, вероятно, не так уж мало. Большинство провинившихся, как правило, объясняют свое преступление приездом гостей, а также временным пребыванием в другом районе. Но параграф 22 Закона о Питании особо оговаривает, что переезд в другой город, даже временный, не освобождает от действия Закона, требующего от граждан Лакуны придерживаться меню, установленного для данного села или города.

Кандар написал на сводке: “Усилить воспитательную работу в организациях «Сана»”. Гельбиш предпочел бы другую резолюцию: “Увеличить число санитарно-исправительных лагерей”. Но промолчал. Их число и так превосходило известное Диктатору. Гельбиш считал, что порядок в стране — его дело.

Что касается инцидента с контрабандистами, то случай этот был делом обычным. Контрабандисты до сих пор оставались одной из главных забот Гельбиша. Морем и даже через неприступные горы в Лакуну просачивались запрещенные товары — сигареты, виски, джин и, что особенно опасно, портативные радиоприемники, магнитофоны и книги. Контрабанду через горы Гельбишу отчасти удалось пресечь. С морскими контрабандистами справиться оказалось труднее. Побережье заминировали магнитными минами,

приобретенными через посольство в Греции, но контрабандисты стали пользоваться парусниками, изготовленными целиком из дерева. Однако течение и ветры частенько бросали их на прибрежные скалы, и смельчаки погибали.

Гельбиш перешел к разговору о предстоящем награждении мусорщика Грона Барбука почетным званием Великого Мусорщика. Барбуку исполнялось сегодня шестьдесят лет, из которых пятьдесят он посвятил этой — самой почетной в Лакуне — профессии. Профессия эта сделалась почетной после Революции. Мусорщики стали едва ли не наиболее популярной прослойкой общества — ведь на них лежала ответственность за сохранение в городах и селениях Лакуны чистоты, основы основ Нового Режима, установленного после Революции 19 Января, как принято называть переворот Кандара.

Грон Барбук был самой приметной фигурой среди мусорщиков Лакуны. Его портреты выставлялись на почетных стендах, продавались во всех лавчонках страны. О нем слагали стихи и песни — он был подлинным любимцем простого народа.

Звание Великого Мусорщика было учреждено именно для него на недавнем заседании Совета при Диктаторе. Был изготовлен специальный нагрудный знак Великого Мусорщика, из чистого золота, размером 6,7 на 7,2 см. На фоне восходящего солнца — урна, напоминающая греческую амфору, и две скрещенные метлы. Метла являлась основным инструментом мусорщика и одновременно символом Чистоты высшего порядка и преданности идеям Лея Кандара.

В знак признания особых заслуг Грона Барбука вручение Почетного знака должно было состояться не в официальной резиденции Диктатора, где, как правило, происходят подобные церемонии, а на площади у дома мусорщика. То, что Диктатор лично, пешком, явится к его дому, чтобы вручить награду, должно подчеркнуть как высоту присвоенного звания, так и глубокое уважение власти к деяниям народного героя.

Поговорив о некоторых подробностях церемонии, они расстались. Гельбиш отдал Диктатору честь, приложив ладонь ребром к козырьку непомерно широкой фуражки, и, щелкнув каблуками, удалился.

Он не стал сообщать Диктатору о том, что задержанный иностранец погиб при попытке к бегству. Бросившись со скалистого берега в море, он разбился о скалы. Гельбиш знал, как болезненно переживает Диктатор известия о чьей бы то ни было смерти, а потому и не счел нужным упоминать о таком пустячном инциденте.

Кандар, отпустив Гельбиша, прошелся по кабинету и остановился у широкого, во всю стену, окна, выходящего на море. Диктатор любил, чтобы в помещении, где он работает, было много света. Поэтому в трех стенах его кабинета были огромные окна. Да и потолок, частично застекленный, давал возможность Кандару видеть над собой голубое небо Лакуны. Вдоль четвертой стены, по обеим сторонам двери с резными барельефами, изображавшими эпизоды Революции 19 Января, висела шведская стенка и стояли спортивные снаряды. Каждые сорок минут Диктатор прерывал свои труды и зани-

мался гимнастикой. Когда-то он был незаурядным спортсменом.

Море, тихое и гладкое, как и утром, сверкало под лучами уже высоко поднявшегося солнца, Мария в купальном костюме шла к воде. За ней бежал Флак, огромный черный ньюфаундленд, ее любимец. Все как обычно. Можно садиться за работу.

Но что-то мешало Кандару, какая-то неясная тревога, связанная с дочерью...

Мария плыла среди скал, а рядом с ее головкой чернела круглая морда ньюфаундленда. К воде вели следы ее маленьких ножек, а рядом разлапистые — Флака. Кандар понял, что его тревожит. И сразу стало легче.

Он подошел к столу. На листке блокнота, помеченном завтрашним днем, записал: “Мэт”.